

— Молодой господин, — Чжу Сяосуй помог ему подняться. — Голова всё ещё кружится?

Чжу Яньинь попросил стакан теплой воды, осушил его залпом, после чего снова откинулся под одеяло и лениво спросил:

— Пань Цзиньхуа нашли?

— Пока нет, Лань Янь всё ещё ищет, а Владыка дворца Ли и глава Пань тоже ушли с самого утра, — ответил Чжу Сяосуй. — Божественный целитель Цзян изучает труп Чжан Цаня, в Альянсе боевых искусств тоже суматоха. Нам лучше вообще не выходить на улицу, поедим в комнате.

Чжу Яньинь спросил:

— А Лю Сиян?

— Люди из Усадьбы Лю твердят, что он болен, да только бог его знает, правда это или притворство, — сказал Чжу Сяосуй. — Дни напролет сидит в карете, выползает погреться на солнышке только в хорошую погоду.

Чжу Яньинь выглянул в окно:

— Сегодняшний день можно назвать хорошим?

— Вполне, ни жарко ни холодно. — Чжу Сяосуй стоял у кровати, держа в руках одежду. — Давайте я помогу молодому господину одеться.

— Принеси другую, — Чжу Яньинь зевнул, натянул одеяло на голову и приглушенно буркнул: — Выбери самую дорогую.

Чжу Сяосуй:

— ...Хорошо.

Это могло означать лишь одно — шелковый креп с водной вышивкой. Ткань, над каждым рулоном которой трудились не меньше десятка цзяннаньских мастериц. В нее были вплетены золотые шелковые нити, тоньше человеческого волоса, едва заметно переливавшиеся на солнце. На статном и благородном молодом господине такое одеяние смотрелось невесомо и подчеркивало его баснословное богатство.

Прогуливавшийся по двору двоюродный брат, завидев своего дорогого родственника, опешил:

— Ты к кому-то на званый ужин собрался?

Чжу Яньинь ответил: нет, вовсе нет, он просто собирается в Усадьбу Лю.

Чжу Синьсинь ничего не имел против названия «Усадьба Лю» — в его представлении все секты Цзянху отдавали деревенской простотой. Вопросы у него вызывало другое: с какой стати для визита в какую-то Усадьбу Лю нужно наряжаться так, будто собираешься во дворец на праздник Середины осени?

Однако кузен и не подумал ничего объяснять. Он развернулся и уплыл прочь, словно легкое облако.

Оставленный без внимания брат только и мог, что мысленно проливать горькие слезы.

За городом ученики Дворца Ваньжэнь нашли на дереве верхнее одеяние — точь-в-точь такое же, в каком в тот день был Пань Цзиньхуа.

Это была зацепка, но отнюдь не радостная весть.

В конце концов, нормальные люди ходят одетыми, особенно в лесной глуши на исходе осени и пороге зимы. То, что он сбросил одежду и выбросил ее, явно свидетельствовало о том, что разум его окончательно помутился.

Пань Шихоу пробормотал:

— Это...

Лань Янь представила себе, как Пань Цзиньхуа мечется по Дикому лесу совершенно голым, и на какое-то время лишилась дара речи от шока. Поскольку ей все еще предстояло продолжать поиски, и она очень не хотела стать свидетельницей столь непотребного зрелища, Лань Янь решила поторопиться. Она разделила учеников Дворца Ваньжэнь на три группы, чтобы те сменяли друг друга для отдыха.

Пань Шихоу без устали благодарил ее:

— Спасибо, огромное спасибо, Лань Янь.

Ли Суй спросил:

— Весь этот путь ты преследовал его так же?

— Да, погоня далась мне нелегко, — признался Пань Шихоу. — Сначала он двигался не так быстро, повсюду оставляя следы. Но потом началось что-то совсем странное. Если бы я не встретил здесь тебя, племянник, даже не знаю, что бы делал.

Ли Суй кивнул:

— Поиски шли весь день. Позволь мне сперва проводить тебя назад, чтобы ты отдохнул.

Хотя сердце Пань Шихоу болело за сына, он понимал, что не должен подрывать собственные силы. Дав еще несколько напутствий Лань Янь, он покинул горный лес.

Приближалось время ужина.

Вань Чжунюнь все это время ждал Пань Шихоу, намереваясь расспросить его о Чжан Цане и Усадьбе Шанжу. Когда Ли Суй в одиночестве вернулся в свои покои, ученик доложил ему:

— Второй молодой господин Чжу, кажется, отправился к Лю Сияну.

Ли Суй нахмурился:

— К Лю Сияну?

Ученик добавил, что тот ушел еще в полдень и до сих пор не покинул Усадьбу Лю.

Ли Суй взял меч Сянцзюнь и вышел за дверь.

Чжу Яньинь сидел во дворе и беседовал с Лю Сияном. В лучах закатного солнца его шелковый креп с водной вышивкой отливал теплым золотом, придавая юноше необычайно благородный вид. Темные волосы были перехвачены лентой из той же ткани; когда он опускал голову, приоткрывалась его белоснежная тонкая шея.

Ли Суй молча стоял у входа во двор, всем своим видом напоминая глыбу твердого льда.

Под этим взглядом Лю Сиян тут же поспешил откланяться под предлогом нужды — а может, ему и впрямь приспичило от страха.

Чжу Яньинь спокойно обернулся:

— Почему ты только сейчас вернулся? Я ждал тебя к ужину и уже умираю от голода.

В конце фразы он намеренно растянул слова с мягким цзяннаньским выговором — лениво и капризно, будто и правда прождал целую вечность.

Ли Суй остался бесстрастен:

— Это тебе не поможет. Объясняйся.

Объясни, почему ты вырядился подобным образом и примчался к Лю Сияну.

Чжу Яньинь:

— ...

Скука смертная. Ухожу!

Ли Суй за шкурку оттащил Чжу Яньиня обратно в спальню.

Чжу Синьсинь все еще стоял во дворе. Увидев, с каким свирепым видом этот грозный владыка Цзянху тащит его брата, он испугался и инстинктивно потянулся позвать стражу. Но, приглядевшись, заметил, что его дорогой кузен идет вполне добровольно и без всякого сопротивления. Тогда Чжу Синьсинь последовал за ними, желая узнать, что они опять затеяли.

Однако перед самым его носом с грохотом захлопнулась дверь, едва не расплющив ему переносицу.

Чжу Синьсинь:

— ...

Какое скверное гостеприимство царит в этом Цзянху.

К этому времени солнце уже почти село, и в комнате сгустились сумерки. Чжу Яньинь чинно восседал на стуле с идеально прямой спиной. Всем своим видом он демонстрировал готовность к сотрудничеству: «Спрашивай о чем угодно, я готов отвечать», — разве что руки на колени не сложил.

Ли Суй ухватил его за щеку:

— Зачем ты ходил к Лю Сияну?

— Хотел проверить, действительно ли с ним что-то не так, — невнятно пробормотал Чжу Яньинь сквозь зажатые щеки. — С тех пор как его спасли, этот человек целыми днями только и делает, что греется на солнышке, ест да спит. Выглядит так, будто он уже собрался отойти от дел в Цзянху.

Тань Шуцю с глазу на глаз несколько раз встречался с Чжу Яньинем. Он рассказывал, что во время их совместного путешествия на юг с Цуй Вэем и остальными они однажды заночевали на крестьянском подворье. Поднявшись посреди ночи по нужде, Тань Шуцю случайно услышал подозрительные звуки из соседней комнаты Лю Сияна. Сгорая от любопытства, он затаился в тени и спустя некоторое время действительно увидел, как оттуда ускользнул человек в черном.

Тогда он подумал, что это какое-то дело Альянса боевых искусств, и не придавал значения. Однако позже, когда дело об убийствах в Ваньцзинчэне было раскрыто, представители Усадьбы Лю продолжали утверждать, будто с тех пор, как Лю Сиян покинул дом, они ни разу не выходили с ним на связь. Тань Шуцю заподозрил неладное и поделился своими сомнениями с Чжу Яньинем, а тот, в свою очередь, передал это Ли Сую.

Ли Суй произнес:

— Я же тогда сказал, что пошлю людей приглядеть за ним.

— А что, если его уже бросили на произвол судьбы? — продолжал невнятно мычать Чжу Яньинь. — Пусть Лю Сиян и мелкая сошка, но на нее можно поймать крупную рыбу. Если я несколько раз прилюдно навещу его, слухи поползут. И если за его спиной действительно стоит кукловод, он непременно начнет действовать.

План Ли Суя был схож, только он собирался сперва приберечь Лю Сияна, а позже при необходимости послать к нему Лань Янь. Кто же знал, что Чжу Яньинь проявит самостоятельность и ни с того ни с сего проболтает с ним целый день. При этой мысли Ли Суй сжал его щеку чуть сильнее — самую малость, ведь этот изнеженный цзяннаньский щеголь был хрупок и изящен, нажми посильнее, еще разревется.

Чжу Яньинь с видом полного превосходства заявил:

— Раз уж нужно привлечь к себе всеобщее внимание, то и одеться мне следовало как можно пышнее, чтобы пошло побольше слухов и пересудов!

Объяснение звучало вполне разумно, однако лицо Ли Суя оставалось хмурым. На самом деле он не возражал против того, чтобы ускорить ход событий, да и сам Лю Сиян его совершенно не волновал — даже без него у Ли Суя нашлось бы немало способов разделаться с Читянем и его прихвостнями. Отсюда возникал вопрос: если до Лю Сияна ему не было никакого дела, то почему Владыка дворца Ли сейчас пребывал в столь скверном расположении духа?

Чжу Яньинь потер покрасневшую щеку:

— Ты злишься?

Ли Суй отрезал:

— Нет.

— Тогда пойдем поедим.

— Не пойду.

Нечего сказать, грозный темный владыка. Совершенно не ребячится, крайне зрелое поведение.

Чжу Яньинь вздохнул:

— Но я голоден.

Ли Суй откинулся на спинку стула с раздраженным видом:

— Иди один.

Чжу Яньинь отозвался тихим «ладно», поднялся и направился к выходу.

Ли Суй невольно вскинул взгляд, но промолчал.

Чжу Синьсинь все еще с волнением ждал снаружи. Заметив кузена, он облегченно вздохнул:

— О чем вы говорили так долго?

— Перекинулись всего парой слов, что тут долгого? — невозмутимо ответил Чжу Яньинь. Он расправил складки на одежде, а затем демонстративно навалился на плечо брата и громко воскликнул: — Ох, голова кружится!

Чжу Синьсинь, совершенно не готовый к подобному повороту событий, не понимал, что это за новые приемы Цзянху, и лишь тихо шепнул кузену, что тот играет слишком фальшиво.

Но Чжу Яньинь, начисто лишенный актерского таланта, отмахнулся:

— Ничего страшного, сойдет.

И точно — дверь комнаты распахнулась.

Чжу Яньинь продолжал виснуть на Чжу Синьсине. Скрестив руки на груди, он приоткрыл один глаз и с самым невинным видом продолжал разыгрывать комедию.

<http://bllate.org/book/18290/1754136>